

Е. Я. Шмелева^а

<https://orcid.org/0000-0003-2412-932X>
✉ eshkind@mail.ru

А. Д. Шмелев^а

<https://orcid.org/0000-0002-5019-1525>
✉ shmelev.alexei@gmail.com

^а *Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН (Россия, Москва)*

СУБСТАНДАРТНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В РУССКОМ АНЕКДОТЕ

Аннотация. В статье анализируются русские анекдоты, текст которых содержит субстандартные языковые единицы. Выделяются две разновидности таких анекдотов: 1) анекдоты, в которых «соль» непосредственно связана с употреблением «неприличного» слова, и 2) анекдоты, в которых комический эффект создается не игрой слов, а обыгрыванием каких-то ситуаций и жизненных установок, а субстандартная лексика лишь его подчеркивает. Рассматриваются разные виды таких анекдотов. Субстандартные лексические единицы (матерные или бранные слова) встречаются в анекдотах разных циклов: анекдоты об иностранцах, этнические анекдоты, анекдоты об армянском радио, политические анекдоты, анекдоты о семейной жизни. В статье описывается роль субстандарта в создании «языковых масок» персонажей анекдотов и соотносённость этих языковых масок с «поведенческими масками». В частности, упоминаются «языковые маски» и поведенческие маски таких персонажей, как *Чапаяев*, *Вовочка*, *поручик Ржевский*.

Ключевые слова: фольклор, речевой жанр, анекдот, комический эффект, субстандарт, «неприличность», эвфемизм, языковая маска, поведенческая маска

Для цитирования: Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Субстандартные языковые единицы в русском анекдоте // Шаги/Steps. Т. 11. № 1. 2025. С. 316–329.

Поступило 22 марта 2024 г.; принято 23 января 2025 г.

E. Ia. Shmeleva ^a

<https://orcid.org/0000-0003-2412-932X>
✉ eshkind@mail.ru

A. D. Shmelev ^a

<https://orcid.org/0000-0002-5019-1525>
✉ shmelev.alexei@gmail.com

^a V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

SUBSTANDARD LINGUISTIC ITEMS IN RUSSIAN CANNED JOKES

Abstract. This article analyzes Russian canned jokes with substandard linguistic items. Two types of such jokes are distinguished: (1) jokes where obscene words serve the point and (2) jokes where obscene words increase the humorous effect. The article gives an account of the role that substandard items play in creating the “linguistic masks” of certain joke characters, which correlate with their “behavior masks.” It discusses various types of such texts: jokes about foreigners, ethnic jokes, jokes about Armenian radio, political jokes, jokes about family life, etc. Substandard lexical units, that is, obscene or vulgar words, may be found in all of the above-mentioned jokes. The article describes the role of substandard language in creating “linguistic masks” of joke characters and the correlation of these linguistic masks with their “behavior masks.” In particular, it mentions the linguistic masks and behavior masks of *Chapaev*, *Vovochka*, and *Lieutenant Rzhevsky*. Each of these characters has their own linguistic and behavior masks. In particular, *Chapaev* is an uneducated communist military commander of the Russian Civil war era who uses obscene words only when he is severely irritated; *Vovochka* is a schoolboy who reminds “dirty Johnny” of American jokes; *Lieutenant Rzhevsky* combines the characteristics of a nobleman and a rude soldier.

Keywords: folklore, speech genre, canned joke, comic effect, substandard, obscenity, euphemism, linguistic mask, behavior mask

To cite this article: Shmeleva, E. Ia., & Shmelev, A. D. (2025). Substandard linguistic items in Russian canned jokes. *Shagi / Steps*, 11(1), 316–329. (In Russian).

Received March 22, 2024; accepted January 23, 2025

Наша статья посвящена речевому жанру анекдота. Изложение уместно предварить общим методологическим замечанием. Как мы уже неоднократно отмечали (в книге [Шмелева, Шмелев 2002] и ряде последующих публикаций, в частности [Шмелёва, Шмелёв 2009]), мы включаем в рассмотрение лишь анекдоты, которые реально бытовали (т. е. неоднократно рассказывались) в русской языковой среде начиная с 1960-х годов. При этом в фокус внимания исследователя в принципе может попадать конкретный акт рассказывания анекдота либо «инвариантный» текст анекдота, взятый в отвлечении от особенностей конкретного акта рассказывания (например, показателей хезитации). Вариирование «инвариантного» текста (например, начал ли рассказчик фразой *Возвращается муж из командировки* или *Возвратился муж из командировки*) обычно не осознается носителями языка вне специальных условий, и поэтому для построения базы данных анекдотов обычно не очень важно, какой из вариантов выбрать в качестве «канонического» текста анекдота. В последующем изложении мы стараемся приводить максимально нейтральный текст, очищенный от индивидуальных особенностей реализации в конкретном речевом действии (если же эти особенности могут оказаться релевантными, это специально оговаривается).

Анекдоты бывают такие, которые можно рассказывать в любой аудитории, и такие, которые могут, по мнению рассказчика, вызвать у каких-то людей отторжение. Ко второму типу относятся, в частности, так называемые неприличные анекдоты. Если рассказчик не уверен в том, можно ли в некоторой ситуации рассказать неприличный анекдот, осуществляется «прощупывание» аудитории, например, используется особый метатекстовый ввод: «Можно, я расскажу неприличный анекдот?» или «Есть хороший анекдот — только в нем есть неприличные слова, это ничего?». И только после того, как слушатели отвечают: «Конечно, давай! Ничего страшного», можно рассказывать анекдот. Иногда рассказчик осуществляет адаптацию текста — например, неприличные слова пропускаются или заменяются эвфемизмами, причем степень прозрачности эвфемизма зависит от предполагаемой толерантности аудитории.

Анекдоты можно также подразделить на языковые и предметные (ср. такие противопоставления, как *verbal vs referential jokes* [Attardo 1994]; языковые и предметные шутки [Санников 1999]; анекдоты, дающие представление об устройстве языкового кода, и анекдоты, основанные на знаниях о мире воспринимающего субъекта [Иссерс, Кузьмина 2000]). Языковые анекдоты строятся на игре слов и каламбурах, тогда как в предметных анекдотах комический эффект создается не игрой слов, а обыгрыванием каких-то ситуаций и жизненных установок. Тем самым неприличные анекдоты также можно разделить на анекдоты с неприличными словами и предметно неприличные. Конечно, есть много предметно неприличных анекдотов с неприличными словами, но бывают и предметно приличные анекдоты с неприличными словами (1), и предметно неприличные, но без неприличных слов (2):

- (1) По вагону бежит голубоглазая девочка с золотыми волосами в белом платье и с белым бантом и поет: «Ля-ля-ля, ля-ля-ля. Мужик, б[....]¹, ноги уברי на х[..]! Ля-ля-ля, ля-ля-ля».
- (2) Приходит семья в зоомагазин, хочет купить попугая, но продавец говорит, что попугаев нет, всех раскупили. Вдруг они видят в дальнем углу в клетке сидит один попугай. Продавец говорит, что этого попугая не покупают, потому что он десять лет в публичном доме жил». — «И что? Он матерится?». — «Да нет, очень приличная птица». — «Ладно, тогда берем». Дома дочка снимает с клетки накидку, попугай смотрит на нее и говорит: «Надо же, у нас девочки новые появились!» Заходит в комнату жена. Попугай: «Ничего себе, и мадам у нас поменялась!» На шум в комнату входит отец. Попугай видит его и радостно говорит: «Слава богу, хоть клиенты старые. Привет, Серега!»

В данной статье мы будем рассматривать только анекдоты с неприличными словами, персонажи которых используют обсценную лексику, независимо от того, в какой жизненной ситуации — сомнительной или вполне невинной — они оказываются. При этом во многих анекдотах обсценная лексика хотя и усиливает комический эффект и добавляет выразительности, но может быть заменена эвфемизмами (поскольку у анекдотов нет канонического текста, они бытуют в разных вариантах, не всегда очевидно, какой текст является исходным: с неприличными словами или с эвфемизмами); но есть анекдоты, пуанта которых целиком построена на использовании обсценной лексики и ее никак нельзя опустить², — см. выше анекдот про бегущую по вагону девочку. Обсценная лексика — матерные или бранные слова — встречается в анекдотах разных циклов: анекдотах об армянском радио (3), этнических анекдотах (4) или анекдотах об иностранцах (5), в политических анекдотах или анекдотах о семейной жизни, например:

- (3) Армянское радио спрашивают: «Правда ли, что у всех б[...]ей блестят глаза?» Пока армянское радио думало, ответило одесское радио: «Неправда. Если бы у всех б[...]ей блестяли глаза, то в Одессе были бы белые ночи». Тут вмешалось ленинградское радио: «Просьба без намеков».
- (4) Грузин сходил в Большой театр на балет «Жизель», рассказывает:
— Свет погасили, на сцену вибегают много-много пашты голых жэнщин и одын пашты голий мушчина. Падбэжаль к од-

¹ В связи с законодательным запретом употребления нецензурной лексики в СМИ редакция заменяет в таких словах один или несколько знаков соответствующим числом точек в квадратных скобках. — *Примеч. ред.*

² Ср. противопоставление фонового и фигуративного использования мата в докладе Д. О. Добровольского и А. Н. Баранова «Принципы описания обсценной идиоматики», прочитанного 13 ноября 2020 г. на международной конференции «Субстандарт в русском языке: коммуникация и литература».

ной, схватыл, панюхал — нэ Жизэль. Падбэжалъ к другой, схватыл, панюхал — нэ Жизэль. Падбэжалъ к третьей, схватыл, панюхал — вах, вот она, Жизэль! Схватыль ее в охапку, пабежалъ в один угол — светло, замэтят! Пабежалъ в другой — светло, замэтят! Выбежалъ на сэрэдину сцены, бросил ее на пол, упал рядом и зарыдал! И тут весь зал, как один чэловек, заорал ему: «Е-бис! Е-бис!»

- (5) Разговаривают два иностранца:
— Знаешь, у этих русских язык такой трудный и буквы не такие, как у нас.
— Да что язык! У них и физиология не такая, как у всех людей. Вчера слышал, как один русский говорил другому: «Надень на х[...] шапку, уши замерзнут!»
- (6) В российскую глубинку, в деревню занесла нелегкая иностранную делегацию. Ну, собрали народ погутарить, представляют делегатов. А среди них японец был. Ну вот, переводчик представляет его, мол, дескать, господин Якимото, черный пояс по карате... Народ в непонятках, че у него там за пояс, пусть покажет.
— Да нет, — говорит переводчик, — дерется он просто здорово.
— А, это понятно. Только нашего кузнеца ему не побить. Пусть попробует.
Ну, переводчик спрашивает, не желает ли Якимото-сан продемонстрировать свое выдающееся искусство. Тот не прочь. Пошли уговаривать кузнеца. Давай, дескать, вломишь япошке, чтоб не задавался. А кузнец в отказ. Мол, в лом, мужики, куда-то по жару еще переться, ну его на х[...].
— Пошли, надо же честь деревни защищать...
Час уговаривали. Уломали. Выходит кузнец на площадь перед сельсоветом, вальяжно так, кулаки разминает, плечами поводит. А японец тут как подпрыгнет на пару метров, в воздухе вывернулся и пяткой кузнецу прямо в лоб с криком «Кия!» Другого на смерть бы сразу уложил, а кузнец, никак такого приема не ожидавший, только на землю брык! Нокаут.
Ну, мужики засуетились ясно, воду из колодца ташат. Окатили кузнеца, растрясли. Открывает он глаза, обводит всех мутным взглядом и спрашивает:
— Что, косоглазый уехал уже?
— Да нет, тут он, тут...
— Ну, как уедет, всей деревне п[...]ец!!!

Но есть такие персонажи анекдотов, для которых одной из характерных особенностей речевого портрета оказывается использование обценной лексики. Поскольку мир русского анекдота воспроизводит реальный мир некоторым особым парадоксальным образом, те персонажи, которые должны были бы разговаривать почти исключительно матом (милиционеры или новые русские), редко его используют, а другие, от которых мы этого не ждем (девочка в беленьком платьице или пожилой профессор), всю матерятся. Так, казалось бы, народные герои — Василий Иванович

и Петька — должны постоянно пересыпать свою речь соответствующими выражениями, но нет, Чапаев матерится редко и только в состоянии крайнего раздражения:

- (7) Решил Василий Иванович проверить, умеет ли Анка считать. Зовёт к себе. «Анка, сколько будет один плюс один?» — «Я так не умею, давай считать что-то конкретное». — «Ну хорошо, одна бутылка и еще одна бутылка, это сколько бутылок?» — «Мало, на всех не хватит». — «Ну, давай на другом примере. Один огурец и один огурец, сколько огурцов?» — «Много, у нас еще селедка есть и капуста квашеная». Разозлился Василий Иванович, решил придумать такой пример, чтобы Анка не выкрутилась: «Если сложить мой х[.] и х[.] Фурманова, сколько будет?» — «Половина Петькиного!»
- (8) Василий Иванович сдает в Академии экзамен по истории КПСС. Профессор задает вопрос: «Что предъявляли депутаты при проходе на Съезд советов?» Василий Иванович не знает. Котовский из-за двери подсказывает: «Ман-да-ты, ман-да-ты!» Василий Иванович (обиженно): «А тебе, Котовский, если уши шашкой обрубить, вообще на х[.] будешь похож!»

Гораздо более постоянной речевой характеристикой Чапаева оказывается непонимание им трудных слов, таких как *мандаты* или *квадратный трехчлен*, которые он интерпретирует понятным ему образом; ср. также:

- (9) Чапаев говорит: «Обед готов. Петька, сходи, позови Фурманова». Петька возвращается: «Фурманов говорит, что он сыт». — «Пойди скажи: когда посылт, пусть приходит».
- (10) Чапаев спрашивает у Фурманова, где Петька. «На крыше антенну натягивает». — «Надо же, имя какое необычное: Антенна!»

Вслед за своим командиром так же интерпретирует непонятные ему слова и Петька:

- (11) Не хватает Василию Ивановичу денег на бутылку. Посылает он Петьку к Фурманову денег одолжить. Возвращается Петька, Чапаев спрашивает: «Ну что, дал?» — «Не дал!» — «И как мотивировал?» — «Уж так мотивировал, так мотивировал — и меня, и вас, Василий Иваныч, и даже вашу кобылу. И не дал!»

Конечно, на неоднозначности, на каламбурном или неправильном понимании тех или иных слов, основана пунта многих анекдотов, но у разных персонажей анекдотов разные причины непонимания. У Василия Ивановича и Петьки это чаще всего необразованность, незнание трудных «культурных» слов: *антенна*, *мотивировать*, *консерватория* (ср. анекдот про коммунизм, в котором пролетариат будет часто ходить в консерваторию консервы есть). Этим, кстати, они отличаются, например, от новых русских, которые не понимают самые обычные русские слова и словосо-

четания (*классная работа, легкое чтение*), а любые числительные понимают как обозначение суммы денег [Шмелева 2003]. У поручика Ржевского — главного пошляка русских анекдотов — это понимание и использование любого слова в значении, как-либо связанном с половым актом или с половыми органами (*Господа офицеры, молчать!*); ср.:

- (12) Наташа Ростова и поручик Ржевский разговаривают на балу: «Поручик, вы любили когда-нибудь?» — «Конечно, е[...]ся». — «Фи, поручик, я имею в виду чистую любовь». — «Бывало и после баньки». — «Ну что вы, поручик, я имею в виду романтическую любовь — цветы, музыка». — «На рояле? Бывало, скользкий инструмент». — «Ну как вы не понимаете, я имею в виду высокую любовь». — «Стоя и на колокольне? Оригинально!»
- (13) Гуляют поручик Ржевский и Наташа Ростова по лесу. Поручик говорит: «Наташа, если вы меня поцелуете, я эту березку х[...]м срублю». Наташа кокетливо: «А сосну?» «А если соснете, я весь лес порубаю!»
- (14) Наташа Ростова и поручик Ржевский гуляют вдоль пруда с лебедями. Наташа говорит: «Ах, поручик, какие же лебеди красивые! Как бы я хотела стать лебедем! А вы, поручик?» Ржевский: «Еще чего? Голой жопой в холодную воду. Стали бы вы, Наташа, лучше раком».
- (15) Едет поручик Ржевский в поезде, лежит на верхней полке, слышит, внизу дама говорит: «Милочка, запомните, никогда не кладите яйца на серебро, оно от этого тускнеет». — «Век живи, век учись», — подумал Ржевский и переложил свой портсигар из кармана брюк в пиджак.

Поскольку основным занятием поручика Ржевского является занятие любовью, даже те неприличные выражения, которые обычно используются в переносном смысле, в его речи имеют буквальное значение:

- (16) Наташа зовет поручика Ржевского ночью втайне от ее родителей прийти к ней, говорит, что оставит дверь в их особняк открытой. Поручик входит на цыпочках в темную спальню, трахает кого-то и вдруг видит, что это не Наташа. Заходит в другую темную комнату, трахает кого-то там, приглядывается, видит — опять не Наташа. Заходит в следующую комнату, и там повторяется та же самая история. Прошлявшись так полночи, умаявшись, он выбегает в бальную залу и кричит: «Наташа!!! Где вы?! Я зае[...]с вас искать!!!»

О том, что поручик Ржевский — известный грубиян и матерщинник, знает даже эхо:

- (17) Ранним утром поручик Ржевский вышел на крыльцо своего дома. Он увидел нежно-голубое небо с легкими облаками, покрытый утренней росой луг, изгиб реки в туманной дымке, зеленеющий

вдали лес. В душе поручика поднялось чувство благоговения перед красотой природы, на глаза навернулись слезы умиления, и, не выдержав, он громко произнес: «Господи, как же прекрасен мир, который Ты создал!» — «Мать, мать, мать...» — привычно отозвалось эхо.

Несмотря на это, обсценная лексика не является важной чертой его речевого портрета, главное для Ржевского — это сам процесс, а не слово, поэтому называть соответствующее действие он вполне может и эвфемизмами:

- (18) Молодой гусар спрашивает у поручика Ржевского, как это ему удастся пользоваться таким успехом у женщин. «Очень просто, нужно подойти к даме и сказать: “Мадам, позвольте вам впендюрить!”» — «Но ведь за такое можно и по морде схлопотать!» — «Можно и по морде. Но обычно впендюриваю».
- (19) Корнет Оболенский спрашивает поручика Ржевского: «Поручик, вы так легко сближаетесь с женщинами, как вам это удается?» — «Я их трахаю, а это очень сближает».

Но есть несколько анекдотов про поручика Ржевского, в которых неприличные слова нельзя заменить эвфемизмами, причем это редкие ситуативно приличные анекдоты этой серии:

- (20) Поручик Ржевский, прогуливаясь по парку, рассказывает Наташе свой вчерашний сон: «И вот лежите вы, Наташа, раскинув руки, прекрасная как фея, в чистом поле, вся в цветах. Кругом благоухание, волшебство, красота неопишная, мохнатые шмели жужжат, изумрудные стрекозы на солнце переливаются, бархатистые бабочки порхают, жаворонки в синем, как ваши огромные глаза-озера, ноте заливаются. А ваши золотистые волосы...» Наташа: «Ой, смотрите, поручик, какая красивая птичка пролетела. Так, ну-ну?!» — «Х[...] гну!!! Сбила, жопа сраная!»
- (21) Наташа Ростова в чудесном платье, расшитом бисером, приезжает на бал. Великолепный дом, прекрасное угощение, изумительный вечер. Проходя мимо одной приоткрытой двери, она слышит доносящуюся через анфиладу комнат удивительную музыку. Наташа проходит одну комнату, затем другую. Музыка нарастает. Она открывает еще одну дверь и видит сидящего за роялем в белоснежном парадном мундире с золотыми эполетами аккуратно причесанного и гладко выбритого поручика Ржевского. «Поручик! Так это вы играете эту удивительную музыку!» — «Да ладно вам, Наташа. Так, едва по клавишам х[...]рю!»

Пуанта этих анекдотов основана на внезапном резком и неожиданном понижении стиля (от нарочито высокого к низкому), так что понятно, почему эти анекдоты рассказывают о поручике Ржевском — дворянине, офицере, человеке из высшего общества, прекрасно владеющем литератур-

ным русским языком. Впрочем, их можно рассказать, заменив Ржевского на мужа, рассказывающего сон жене, или прекрасного принца, играющего на рояле. Но есть персонаж русских анекдотов, для которого употребление обценной лексики является одной из основных речевых характеристик, без которой его речевой портрет был бы неполон. Поскольку мат считается языком взрослых и одним из основных табу в русской культуре является запрет «выражаться при детях», закономерно, что главным носителем этого языка в анекдотах является ребенок — Вовочка. Речевые характеристики Вовочки однозначно коррелируют с его поведенческими характеристиками. Это ребенок, показывающий лицемерие мира взрослых — родителей и школьных учителей, которые ругают детей за их поступки или слова, хотя сами позволяют себе намного больше; ср. ставшие уже крылатыми выражениями фразы Вовочки: «И эти люди запрещают мне ковырять в носу»; «Как же так, Марь Иванна, жопа есть, а слова нет!» Недаром есть целая серия анекдотов, где Вовочка повторяет в школе слова, которые он узнал от родителей, за что его выгоняют из класса или из школы:

- (22) На уроке биологии учительница спрашивает: «Дети, какие рыбы водятся в море?» Петенька: «Карась». Машенька: «Сом». Вовочка: «Ё[.]арь». — «Вовочка, как тебе не стыдно, выйди из класса!» — «Марь Иванна, но я же сам слышал, как мама говорила тете Маше: “Поехали отдыхать на море, может, каких ё[.]арей поймает”».
- (23) Учительница биологии спрашивает: «Дети, какая рыба самая большая?» Дети: «Кит, акула, щука». Поднимает руку Вовочка. «Б[....]». — «Что за глупости? Откуда ты это взял?» — «Папа рассказывал дяде Коле, что он в Сочи одну б[....] поймал и целый месяц жарил»³.
- (24) Вовочка приходит к папе. «Папа, тебя в школу вызывают». — «Что случилось?» — «На уроке математики меня спросили: “Сколько будет семью девять?” Я говорю: “63”. — “А девятью семь?”» Папа: «А какая на х[.] разница?» — «Ну вот, и я так же спросил, а математик сказал, чтобы ты в школу пришел». На следующий день Вовочка опять приходит к папе. «Папа, ты в школу-то не ходил?» — «Нет, Вовочка, не успел, срочно статью дописывал. Завтра непременно зайду». — «Ты заодно к учителю физкультуры зайди, он тебя тоже вызывает». — «А на физкультуре что случилось?» — «Физрук мне говорит: “Вовочка, подними правую руку”. Я поднял. “А теперь подними левую руку”. Я поднял. “А теперь подними правую ногу”. Я поднял. “А теперь подними левую ногу”». Папа: — «А на чем стоять, на х[.]ю, что ли?» — «Ну вот, и я так же спросил, а физрук сказал, что тебя в школу вызывает». — «Хорошо, Вовочка, завтра зайду к обоим».

³ Обратим внимание на то, что рассказчики этого анекдота без всяких сомнений упоминают кита в одном ряду с рыбами, а учительница биологии воспринимает это как должное.

Еще через день Вовочка снова к папе. «Папа, ты в школе-то так и не был?» — «Нет, закрутился на работе, у меня лекции, доклады, но завтра зайду точно». — «Папа, ты уже можешь не ходить, меня из школы выгнали». — «А на этот раз ты что натворил?» — «Вызывает меня директор школы. Я захожу в кабинет, а там сидят учитель математики, учитель физкультуры и учительница пения». — «А эта-то на х[.]я приперлась?» — «Ну вот, и я так же спросил...».

Даже в тех анекдотах, где эксплицитно не говорится, что Вовочка повторяет на уроке услышанные им дома слова и выражения, это совершенно очевидно:

(25) Идет урок русского языка в первом классе. Учительница просит детей назвать слово на букву Х. Вовочка тянет руку. Учительница, зная Вовочку, боится, что он скажет что-нибудь неприличное. Спрашивает Петеньку. Петенька: «Хор». «Молодец, Петенька, а теперь слово на букву П». Вовочка тянет руку. Учительница опять боится, что он скажет что-нибудь неприличное. Спрашивает Машеньку. Машенька: «Пони». — «А теперь слово на букву К». Вовочка тянет руку. Учительница, не найдя никаких плохих слов на К, спрашивает Вовочку. Вовочка: «Карлик». — «Молодец, Вовочка, какое хорошее слово ты знаешь!» Вовочка: «Карлик-то карлик, но вот с таким х[...]

(26) Учительница русского языка задает задание классу:
— Дети, пожалуйста, придумайте предложение с синтаксической конструкцией «видимо — потому что». Например: «Видимо, сегодня будет дождь, потому что на небе собираются тучи». Первым тянет руку Вовочка:
— «Бабушка взяла газету и вышла из комнаты».
— Вовочка, где же здесь «видимо — потому что»?
— «Видимо пошла срать, потому что читать она не умеет».

Взрослые — и родители, и учителя постоянно думают о том, о чем запрещают думать детям, и пользуются обсценной лексикой, за которую ругают детей. Вовочка-первоклассник об этом еще не знает:

(27) Сидят за обеденным столом Вовочка и папа с мамой. Вовочка рассказывает:
— Мы сегодня в школе научились слово из трех букв писать. Мама дает Вовочке затрещину. Папа спрашивает:
— А какое это слово?
— «Дом».
Отец дает затрещину маме и говорит:
— О доме надо думать, о доме.

Но когда Вовочка становится старше и начинает лучше понимать лицемерие мира взрослых, он задает загадки учителям и лишней раз убеждается в своей правоте:

- (28) Учительница задала детям придумать загадку. Вовочка тянет руку:
— Что это: из трех букв, то, что вы недавно держали в руках?
— Как тебе не стыдно, выйди вон из класса!
Вовочка, идя к двери: «Я имел в виду “мел”, но ход ваших мыслей мне нравится».
- (29) Учительница задала детям придумать загадку. Вовочка тянет руку:
— Что это: на Х начинается, на Й кончается и весь в волосах?
— Выйди вон из класса, безобразие!
Вовочка, идя к двери: «Вообще-то это “Хемингуэй”, но ход ваших мыслей мне нравится».
- (30) Учительница задала детям придумать загадку. Вовочка тянет руку:
— Что это: полный крах, шесть букв, вторая буква И?
— Выйди вон из класса, безобразие!
Вовочка, идя к двери: «Я имел в виду “фиаско”, но ход ваших мыслей мне нравится».

В этих анекдотах используется известный прием игры со слушателем: не только Марь Иванне, но и слушателем сразу приходит в голову матерное слово, и только потом выясняется, что это было паразитическое решение. Этот же прием используется в стихах и песнях, в которых из-за рифмы слушателю прежде всего приходит на ум неприличное слово, исполнитель стишка или песни делает паузу, а затем произносит приличное слово (см.: [Лурье 1998]); ср., например:

Графиню граф держал в узде,
И бил жену он по... субботам,
Чтобы у ней отбить у охоту
К воскресной верховой езде.

Меня простите, Бога ради,
Не знал, что здесь собрались... дамы.
Я б не ворвался без пижамы,
А появился б при параде.

Итак, мы видим, что в анекдотах про Вовочку замена открыто произносимого или подразумеваемого неприличного слова на эвфемизм невозможна, она приведет к потере «соли» анекдота. Среди таких анекдотов также есть несколько построенных на игре стилей, в которых невозможна замена матерных слов на эвфемизмы, но зато возможна смена персонажа.

Например, следующий анекдот можно рассказать про сына нового русского:

- (31) Вовочка несколько дней не был в школе. Учительница забеспокоилась, решила сходить к нему домой, узнать, в чем дело. Приходит, а там красота: английский парк, старинный особняк. Звонит в дверь, открывает швейцар. «Чего изволите, мадам?» Учительница смутилась, спрашивает робко: «Простите, пожалуйста, Вовочка дома?» — «Будьте любезны, следуйте за мной». Поднимаются по мраморной лестнице, везде ковры, картины, книги, вдали виден белый рояль. Подходят к Вовочкиной двери. Швейцар стучит: «Вольдемар, извините, ради Бога. К вам дама!» — «П[...]ИШЬ!» — «Б[...] буду-с!»

Есть еще один интересный тип анекдотов, пуанта которых построена на межъязыковом каламбуре, когда приличное слово одного языка воспринимается как неприличное слово носителем другого языка. В анекдоте, в котором грузин пытается угощать украинку, она говорит: «Та не могу: у мене Великий піст», — а грузин удивляется: «Слышь дарагая, большой п[...], малэнкий п[...] — кушать-то все равно надо». Приведем еще пример:

- (32) Встретились в океане две подводные лодки: американская и русская.
Американский капитан выходит на связь:
— I am captain Smith.
— Капитан Фокин.
В ответ тишина. Через час снова:
— I am captain Smith.
— Капитан Фокин.
Снова тишина. Еще через час:
— I am captain Smith.
— Капитан Фокин.
— What?! Still fucking?!

Итак, мы видим, что при рассказывании анекдота субстандартные языковые единицы могут создавать пуанту, добавлять важные черты к речевым маскам и поведенческим характеристикам персонажа и вносить дополнительный комический эффект. Именно поэтому анекдоты с субстандартными элементами имеют давнюю традицию бытования в культуре и до сих пор рассказываются в разных слоях российского общества.

Литература

Иссерс, Кузьмина 2000 — *Иссерс О. С., Кузьмина Н. А.* Анекдот и когнитивные операции рефреймирования: лингводидактический аспект // *Miscellanea: Памяти Александра Борисовича Мордвинова* / Отв. ред. Б. И. Осипов. Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. С. 143–154.

- Лурье 1998 — Стихотворные «обманки» / Предисл. и публ. М. Л. Лурье // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А. Ф. Белоусов. М.: Ладомир; ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. С. 530–544.
- Санников 1999 — Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки рус. культуры, 1999.
- Шмелева 2003 — Шмелева Е. Я. «Новый русский» как фольклорный персонаж // Русский язык сегодня. Вып. 2 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Азбуковник, 2003. С. 565–575.
- Шмелева, Шмелев 2002 — Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002.
- Шмелёва, Шмелёв 2009 — Шмелёва Е. Я., Шмелёв А. Д. Вариативность, продолжение и серийность анекдотов: проблемы построения базы данных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15) / [Под ред. А. А. Кибрика и др.]. М.: РГГУ, 2009. С. 548–553.
- Attardo 1994 — Attardo S. *Linguistic theories of humor*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1994.

References

- Attardo, S. (1994). *Linguistic theories of humor*. Mouton de Gruyter.
- Issers, O. S., & Kuz'mina, N. A. (2000). Anekdot i kognitivnye operatsii refreimirovaniia: lingvodidakticheskii aspekt [Canned jokes and cognitive operations of reframing: didactic aspect]. In B. I. Osipov (Ed.). *Miscellanea*: Pamiati Aleksandra Borisovicha Mordvinova, (pp. 143–154). Izd-vo OmGU. (In Russian).
- Lurie, M. L. (Intro., & Publ.) (1998). Stikhotvornnye “obmanki” [Poetic ‘cheat rhymes’]. In A. F. Belousov (Ed.). *Russkii shkol'nyi fol'klor: Ot “vyzyvaniia” Pikovoii damy do semeinykh rasskazov* (pp. 530–544). Ladomir; ООО “Izdatel'stvo AST-LTD”. (In Russian).
- Sannikov, V. Z. (1999): *Russkii iazyk v zerkale iazykovoii igry* [Russian language as reflected in language play]. Iazyki russkoi kul'tury. (In Russian).
- Shmeleva, E. Ia. (2003): “Novyi russkii” kak fol'klornyi personazh [New Russians as jokelore characters]. In L. P. Krysin (Ed.). *Russkii iazyk segodnia* (Vol. 2, pp. 565–575). Azbukovnik. (In Russian).
- Shmeleva, E. Ia., & Shmelev, A. D. (2002): *Russkii anekdot: Tekst i rechevoi zhanr* [Russian joke: Text and speech genre]. Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Shmeleva, E. Ia., & Shmelev, A. D. (2009): Variativnost', prodolzhenie i seriinost' anekdotov: problemy postroeniia bazy dannykh [Variation, continuation, and seriality of jokes: problems of database construction]. In A. A. Kibrik et al. (Eds.). *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodoi konferentsii “Dialog 2009”* (Bekasovo, 27–31 maia 2009 g.) = *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue 2009”* (Vol. 8 (15), pp. 548–553). RGGU. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Елена Яковлевна Шмелева

*кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник,
заместитель директора, Институт
русского языка
им. В. В. Виногорова РАН
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка,
д. 18/2
✉ eshkind@mail.ru*

Алексей Дмитриевич Шмелев

*доктор филологических наук
главный научный сотрудник,
заведующий отделом культуры
русской речи, Институт русского
языка им. В. В. Виногорова РАН
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка,
д. 18/2*

Information about the authors

Elena Iakovlevna Shmeleva

*Cand. Sci. (Philology)
Leading Researcher, Deputy Director,
V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy
of Sciences
Russia, 110019, Moscow, Volkhonka Str.,
18/2
Tel.: +7 (495) 695-26-60
✉ eshkind@mail.ru*

Alexei Dmitrievich Shmelev

*Dr. Sci. (Philology)
Main Researcher, Head of Department
of Russian Linguistic Standards,
V. V. Vinogradov Russian Language
Institute of the Russian Academy
of Sciences
Russia, 110019, Moscow, Volkhonka Str.,
18/2*